

УДК: 811.1+821.161.1

ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПОЗДНИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ Л.Н. ТОЛСТОГО (ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)¹

Е.А. Печурова

*Младший научный сотрудник Центра русского языка
и региональных лингвистических исследований
e-mail: pechurova_elena@mail.ru*

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

В статье рассматриваются особенности воплощения реалий разных культур в художественных текстах Л.Н. Толстого. Описываются закономерности межкультурного взаимодействия героев повести, а также явление аккультурации писателя в процессе работы над произведением.

***Ключевые слова:** культура, межкультурная коммуникация, аккультурация, интеграция, ассимиляция, лингвостилистика.*

В теории межкультурной коммуникации понятие *культура* не имеет единой целостной дефиниции. В нашей работе принято классическое базовое определение культуры Э.Б. Тайлора, в котором она приравнивается цивилизации и включает в свой состав «знания, веру, искусство, мораль, право, обычаи, а также все другие способности и привычки, которые усваивает человек как член общества» [Куликова 2004: 11]. Согласимся также с Л.В. Куликовой, которая отмечает, что «культура в антропологическом понимании включает в себя все, что создано людьми и характеризует их повседневную жизнь в определенных исторических условиях» [Там же: 14].

Художественный текст, объединяя в себе язык и культуру, «представляет собой уникальный способ передачи национально-культурной информации. В литературе наиболее ярко отражаются психология, мышление, прошлое и настоящее этноса» [Петрова 2012]. Таким образом, для создания культурного пространства в художественном произведении необходимо отразить в нем не только язык, верования, обычаи и привычки изображаемого народа, но и особенности его мышления и мировосприятия, о которых можно судить, в первую очередь, по языку и поступкам персонажей.

На страницах поздних произведений Л.Н. Толстого встречаются представители разных национальностей и социальных групп, и именно

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00008.

внимательный и тщательный отбор языковых средств позволяет наиболее точно и реалистично нарисовать портрет каждого героя. Так, например, в рассказе «За что?» писатель дает возможность «увидеть изнутри» ситуацию польского восстания 1830–1831 гг., посмотреть на это историческое событие глазами польского народа. Достоверное представление родной для персонажей национально-культурной среды достигается в первую очередь за счет лексико-фразеологических ресурсов языка. Так, Л.Н. Толстой с этой целью включает в текст слова нескольких лексико-семантических групп. Во-первых, это имена собственные, куда входя не только имена героев рассказа (*Иосиф Мигурский, Альбина и Ванда Ячевские, Лудвика*); но и географические названия (*родовое имение Рожанка, Варшава, Вильно*); имена исторических личностей (*Хлопицкий, Костюшко, Дверницкий, Дибич, Паскевич*), названия исторических фактов и событий (*победа поляков при Сточке*).

Во-вторых, апеллятивы, традиционно употребляющиеся в польском языке при обращении к мужчине и женщине: *В 1830 году весной к пану Ячевскому в его родовое имение...* [42, 84]²; *Пани Ячевской Мигурский был приятен...* [42, 85]; а также их «неофициальные» варианты: *...самоотверженно преданной своей панюсе...* [42, 93]; *Паненка, милая паненка!* [42, 105]. В эту же группу относим варианты имен собственных при обращении: «*Юзё!*» – *вскрикнула она [Альбина], назвав его так, как называл его отец...* [42, 92].

В-третьих, названия одежды: *Один раз мачеха, зайдя в ее комнату, застала ее [Альбину] перед зеркалом в панталонах и конфедератке* [42, 87]. *Конфедераткой* назывался национальный польский головной убор, после Венского конгресса 1814–1815 г. являвшийся частью военной формы уланов Царства Польского. Именно этот головной убор использовали революционеры во время восстания 1830 г. Панталоны также являлись частью военного мундира XIX в. Или, например: *Из-под капора сияли жизнерадостные, широко расставленные, блестящие голубые глаза...* [42, 92]. Капор – женский головной убор – был особенно популярен в Европе в 1815–1840-х гг.

В-четвертых, включение в речь героев высказываний на польском языке, например, цитаты из письма Мигурского, где он рассказывает о победе при Сточке: «*Zwycięstwo Polaków i klęska Moskali! Wiwat!*» («Победа поляков и поражение москалей! Ура!») [42, 87]; или польских паремий: *...Як бога кохам, ничего не будет, ничего*, – *говорила она [Лудвика], бессмысленно водя по ней [Альбине] руками* [42, 105–106]; «*Iak tate Kocham*» [42, 99]. При этом первый прием позволяет еще раз подчеркнуть восприятие русских поляками, второй – нарисовать портрет

² Здесь и далее цитаты из текстов Л.Н. Толстого и комментариев к ним приводятся по следующему изданию: Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М.-Л.: Художественная литература, 1935–1958. В квадратных скобках указывается номер тома и страница.

полячки, сделать его «живым», не только передать национальный колорит, но и охарактеризовать мировоззрение героини.

В-пятых, религиозная лексика (*ксендз, посаженная мать, шафер*), а также текст молитв на латинском языке – официальном языке католической церкви: *Miserere mei Deus secundam magnam misericordiam tuam* (Помилуй мя, боже, по велицей милости твоей) [42, 96].

Все эти детали складываются воедино и создают национальный колорит, позволяя русскому читателю погрузиться в инокультурную среду определенного исторического периода.

В повести «Хаджи-Мурат» читатель знакомится с представителями мусульманской религии, населявшими Кавказ, узнает их обычаи, особенности мировоззрения. Перечисленные выше лексико-семантические группы, включающие в себя значительно большее количество лексем, чем в рассказе «За что?», дополняются названиями отдельных построек (*сакля, мечеть, фонтан*) и населенных пунктов (*аул*), именованиями людей по их социальному положению, роду деятельности или отношению к другому человеку: *мулла* ‘священник’, *муэдзин* ‘служитель мечети’, *муталим* ‘воспитанник духовной школы’, *нукер* ‘служитель, телохранитель’, *мюрид* ‘послушник’ или ‘что-то среднее между адъютантом и телохранителем’, *мюридид* ‘руководитель мюрида’, *шейх* ‘духовный наставник’, *гяур* ‘иноверец’, *наиб* ‘при Шамиле наместник, управляющий какой-либо территорией’, *сардарь* ‘главнейший правитель, командующий войсками, у горцев – царский наместник Кавказа’, *кунак* ‘друг, товарищ’ и др.

Большое внимание уделяется описанию обрядов, а также некоторых особенностей поведения и традиций. В силу специфики культуры горцев, основанной на религиозных представлениях и законах, достаточно сложным (если вообще возможным) представляется разграничение народных традиций и религиозных обрядов. Горцы изображаются как внутри своей культурной среды, так и вне ее. В первом случае Л.Н. Толстым описывается ряд действий, естественных для носителей этой культуры, поэтому они не сопровождаются какими бы то ни было авторскими пояснениями. Например, в первой главе при описании приезда Хаджи-Мурата в аул Махкет у сакли Садо его встречает старик: *Сойдя на землю, он [старик] гостеприимно взялся за повод лошади Хаджи-Мурата и правое стремя* [35, 7]. Прикосновение к стремени сидящего на лошади гостя является выражением особого почета. Для читающего повесть чеченца это очевидный факт, русский же читатель может и не обратить на это внимания или не понять данный жест без соответствующих пояснений. Однако писатель не дает разъяснений ни в тексте повести, ни в комментариях к нему. Это подчеркивает естественность происходящих событий, создавая инокультурную среду, которая воспринимается читателем изнутри, при этом он сам становится частью этой чужой культуры, ощущает свою сопричастность происходящему. Подобные средства создания

реалистичности изображаемого находим при описании переговоров Хаджи-Мурата с Садо: «*В Гехах надо вот что*», – начал было он [*Хаджи-Мурат*], *взявшись за один из хозырей черкески, но тотчас же опустил руку и замолчал, увидав входивших в саклю двух женицин [жены и дочери Садо]. <...> ...такие же черные, смородинные глаза, как у отца и брата, весело блестели в молодом, старавшемся быть строгим лице. Она [дочь Садо] не смотрела на гостей, но видно было, что чувствовала их присутствие. Садо и Хаджи-Мурат – оба молчали во всё время, пока женицины, тихо двигаясь в своих красных, бесподошвенных чувяках, устанавливали принесенное перед гостями. Элдар же, устремив свои бараньи глаза на скрещенные ноги, был неподвижен, как статуя, во всё то время, пока женицины были в сакле [35, 11]. Слова не смотрела на гостей, старавшемся быть строгим лице, тихо двигаясь и тотчас же опустил руку и замолчал, оба молчали во всё время, устремив ... глаза на ... ноги, был неподвижен, как статуя* отражают действительные детали быта горцев, а именно: особенности поведения женщин в присутствии посторонних мужчин, их невмешательство в мужские дела, реакцию гостей на появление женщин. Также без комментариев описываются обряды горцев, например, при совершении молитвы: *Хаджи-Мурат ... подошел к разложенным женициной подушкам и, запахивая черкеску, сел на них. Старик сел против него на свои голые пятки и, закрыв глаза, поднял руки ладонями кверху. Хаджи-Мурат сделал то же. Потом они оба, прочтя молитву, огладили себе руками лица, соединив их в конце бороды [35, 30].*

Когда же Хаджи-Мурат выходит к русским, его действия (и действия его нукеров), неестественные для данной культурной среды, снабжаются необходимыми комментариями, часто поясняются самими героями повести. Так, при знакомстве с С.М. Воронцовым и его семьей горец сам объясняет смысл куначества: *...Хаджи-Мурат, приложив свои руки к груди, несколько торжественно сказал через переводчика, который вошел с ним, что он считает себя кунаком князя, так как он принял его к себе, а что вся семья кунака так же священна для кунака, как и он сам [35, 30].* А также разъясняет традицию дарить все, что похвалит кунак: *...такой их закон, что всё, что понравилось кунаку, то надо отдать кунаку [35, 31].* Непреложность данного закона подтверждается в эпизоде отъезда Хаджи-Мурата из дома майора Петрова, когда он дарит Марье Дмитриевне бурку, которую та похвалила. Как отмечается в комментариях к повести, «напоминание русским «кунакам» этого «закона» было обычно у горцев» [35, 602].

Построение диалога между русской и горской культурами, описываемое в произведении, отражает закономерные и естественные процессы межкультурной коммуникации, в частности аккультурацию, т.е. целенаправленное усвоение норм и ценностей чужой культуры. Так, С.М. Воронцов во исполнение кунацкого закона дарит Хаджи-Мурату свои

часы, удивившие гостя и понравившиеся ему. Иван Матвеевич в ответ на подаренную ему шашку предлагает бурого мерина. Данные поступки могут служить примером одной из стратегий аккультурации, а именно – интеграции, при которой человек идентифицирует себя одновременно со своей (старой) и чужой (новой) культурой. Один из героев повести находится на начальной стадии перехода от интеграции к ассимиляции, т.е. к отказу от норм и ценностей своей культуры и принятию ценностей и норм иной культуры: *Поэзия особенной, энергической горской жизни, с приездом Хаджи-Мурата и сближением с ним и его мюридами, еще более охватила Бутлера. Он завел себе бешимет, черкеску, ноговицы, и ему казалось, что он сам горец и что живет такую же, как и эти люди, жизнью* [35, 92].

Аккультурация в художественном тексте также имеет вербальное воплощение. Например, в речи Хаджи-Мурата наряду с кумыцким наречием часто встречаются русские слова: *«Кунак Воронцов пешкеш, – сказал он улыбаясь. – Хороший человек»* [35, 53]; *«Прощай, прощай, – улыбаясь, по-русски сказал Хаджи-Мурат. – Кунак булур. Крепко кунак твоя. Время – айда пошел, – сказал он, потрянув головой...»* [35, 93]. Иногда герой говорит полностью на русском языке. В таких случаях его речь являет собой иллюстрацию процесса языковой аккультурации, при которой происходит смешение русской лексической и иностранной грамматической систем. Чаще всего это находит выражение в рассогласовании форм: *«Твоя сын – кунак», – сказал он по-русски...* [35, 31]; *Хаджи-Мурат всегда слушал эту песню с закрытыми глазами, и когда она кончалась протяжной, замирающей нотой, всегда по-русски говорил: «Хорош песня, умный песня»* [35, 92]. Эти слова, обращенные к его новым кунакам (С.М. Воронцову и Бутлеру), свидетельствуют об особенном расположении Хаджи-Мурата к собеседникам. Подобные теплые чувства Хаджи-Мурат испытывал и к Марье Дмитриевне, прощаясь с которой не только говорит по-русски, но и использует традиционный русский апеллятив: *«Прощай, матушка, – сказал он, обращаясь к ней, – спасибо»* [35, 95]. Для речи героя в период его пребывания у русских характерна также семантическая избыточность, проявляющаяся в дублировании лексем на двух языках: *«Якши, хорошо», – сказал Хаджи-Мурат и ушел в спальню* [35, 53].

Вербальное проявление аккультурации находим и у представителей русской нации. Например, в речи майора Ивана Матвеевича: *Прочтя бумагу, Иван Матвеевич ... остановил, наконец, свои глаза на Хаджи-Мурате и сказал: «Якши, бек-якши. Пускай живет. Так и скажи ему...»* [35, 84]; а также его супруги: *«Ну, благодарю, – сказала Марья Дмитриевна, взяв бурку. – Дай Бог вам сына выручить. Улан якши», – прибавила она...* [35, 93] И если в речи майора наличие горских слов объясняется местом службы и необходимостью сношений с горцами, то

причиной их появления в речи Марьи Дмитриевны является симпатия, доброе отношение к Хаджи-Мурату.

Таким образом, процесс межличностного общения представителей разных культур, описанный в повести, отражает естественные закономерности межкультурной коммуникации. Различные средства репрезентации деталей быта, традиций и особенностей мировоззрения персонажей обеспечивают реалистичность изображения выбранных исторических событий.

Заметим, что в большинстве словарей понятие аккультурации рассматривается как процесс качественного изменения материальной культуры одного или обоих участников межкультурного взаимодействия. Однако, на наш взгляд, этот процесс может иметь косвенную форму, т.е. проходить без участия «живого» представителя чужой культуры, например, при изучении культурных норм и ценностей по литературным источникам с последующим применением полученных знаний на практике. Именно в такой ситуации оказывается писатель в процессе создания художественного произведения, герои которого являются представителями чужой для автора культуры. Подтверждение этому находим в заметках и дневниковых записях Л.Н. Толстого. Так, работая над рассказом «За что?», в основу которого положена судьба реальных людей (политического ссыльного поляка Мигурского и его жены Альбины), описанная в работе писателя-этнографа С.В. Максимова «Сибирь и каторга», Л.Н. Толстой стремился как можно реалистичнее изобразить инокультурную среду и мировоззрение. Чтобы задуманное удалось, писатель проделал огромную работу, заключающуюся в поиске, отборе и анализе книг о польском восстании 1830 года. При этом большинство из известных и имеющихся источников, присылаемых ему в том числе и из Академии наук, отсеивалось по причине несоответствия главному для автора рассказа требованию – изложению событий с польской точки зрения. Даже написанная на немецком языке книга «Lamb'a» (по замечанию Д.П. Маковицкого, очень обстоятельная) не удовлетворила Льва Николаевича, в том числе и потому, что ее автор находился в штабе русских войск. О тщательности подготовки и объемах материалов, изученных Л.Н. Толстым для отражения в рассказе польского видения событий, можно судить по его дневниковым записям и переписке, а также по воспоминаниям современников. Так, например, писатель через Н.Е. Фельтена обращался с просьбой к В.В. Стасову прислать новые книги «о польском восстании 1830 года, сказав при этом: “Надо прочесть много книг, чтобы написать пять строк, разбросанных по всему рассказу”» [42, 627]. Результатом проделанного труда стало создание инокультурного пространства художественного текста, погружающего читателя в исторические события того времени и реалистично передающего не только отдельные факты жизни, но и мировоззренческие установки польского

народа. Все это, на наш взгляд, возможно только при условии принятия Л.Н. Толстым ценностей и норм польской культуры, что является обязательным условием процесса аккультурации.

Подтверждением высказанного нами предположения служит также работа, проделанная Л.Н. Толстым при создании повести «Хаджи-Мурат». Основу данной работы составили личные наблюдения автора, сделанные им в молодости, а также изучение печатных материалов, которые перечитывались неоднократно, как например, многотомный «Сборник сведений о кавказских горцах». Читая это издание в очередной раз в период активной работы над повестью, Л.Н. Толстой сделал около 300 помет, к которым составил специальный список, названный «Материалы Хаджи-Мурата». Анализ произведенных помет («Подробности обычаев мало читаны»; «Сказки читать»; «Всю статью читать») позволяет заключить, что «Толстой стремился с наивозможной полнотой представить себе жизнь горцев, их быт, нравы, верования, обряды, способы обработки земли, ремесла, охоту; отмечены также пословицы, приветствия, сказания» [35, 591]. Кроме того, в 1902 г. очередное изучение данного «Сборника» сопровождалось вкладыванием записок в каждый том этого издания, на которых указаны десятки страниц.

В пользу аккультурации писателя говорит также авторская трансформация устойчивых горских выражений. Так, «Хаджи-Мурат спрашивает старика-чеченца: *«Что нового?»*; старик отвечает: *«Хорошего нового ничего нет... Только и нового, что все зайцы совещаются, как им орлов прогнать...»* Это измененная горская поговорка *Каждую ночь зайцы совещаются о том, как им прогнать орлов. К рассвету разбегаются, еще не решив дела.* Старик говорит: *«На прошлой неделе русские собаки у Мичицких сено сожгли, раздерись их лицо...»* Это видоизмененное горское проклятие: *Сдерись твое лицо.*

Прерывая словоохотливого Бату, Хаджи-Мурат говорит: *«Веревка хороша длинная, а речь короткая».* Это видоизмененная горская поговорка *Хорошо слово короткое, а веревка длинная.*

В конце главы I Хаджи-Мурат благодарит кунака: *«Да получишь ты радость и жизнь».* Это переделанное горское приветствие *Да дадутся тебе сердечная радость и жизнь»* [35, 601].

Также, наряду с традиционным мусульманским приветствием *селям-aleyкум* с ответным *aleyкум-селям*, Л.Н. Толстой приводит редкие в употреблении фразы, используемые обычно при дружелюбном отношении к собеседнику. Например, «жена Садо говорит Хаджи-Мурату: *«Приход твой к счастью».* По горским обычаям, так могла бы сказать только женщина. Хаджи-Мурат ей отвечает: *«Сыновья твои чтобы живы были»* [Там же].

Подобное вольное обращение с устойчивыми языковыми единицами, применение на практике редких выражений возможно только при условии

глубокого проникновения в культуру кавказских горцев. Заметим, что в подобных случаях аккультурация как результат взаимодействия культур может быть временной и регрессировать после окончания работы над произведением.

В энциклопедии «Социология» термин *аккультурация* имеет и второе значение: ‘передача элементов культуры от одного поколения к другому в рамках одной культуры’ [Социология 2009]. На наш взгляд, в определенный исторический период это понятие применимо не только к взаимодействию поколений, но и к процессу усвоения культурных особенностей той или иной социальной группы представителями другой группы внутри одной культуры. Художественные тексты (наряду с дневниковыми записями и письмами) графа Л.Н. Толстого служат свидетельством справедливости такого утверждения. Героями его поздних рассказов часто являются крестьяне, составлявшие в XIX в. достаточно обособленную социокультурную группу, резко отличающуюся от дворянства по основным культурным показателям (языку, знаниям, морали, обычаям, психологии, мировоззрению). Однако заметки писателя, его дневниковые записи, позволяют утверждать, что Л.Н. Толстой глубоко проникся народной культурой, чуждой его сословию. Подтверждением данного факта являются языковые средства создания образа крестьянина в произведениях 1900-х гг. Например, в повести «Хаджи-Мурат» речь солдат и их родных изобилует разговорной и просторечной лексикой: «*Это они с тебя смеются, что у тебя **рожь** набок*», – сказал тонкий хохлацкий голос четвертого солдата. [35, 14]; «***Аль** покурим опять?*» – спросил Авдеев. [35, 15]; «*Не **примает** душа*, – сказал он [Авдеев]. – *Пей сам*». [35, 27]; «***Другой раз** палят, как горохом осыпают, и – ничего, а тут всего раз **пяток** выстрелили...*» [35, 35]; Авдеев: «*...**Завиствовал** брату. Я тебе нонче **сказывал**...*» [35, 36]; «***Загривок-то**, глянь, как у барина доброго*» [35, 37]; «*Ладно. Чалого запряги и ступай*, – сказал старик Акиму. – *Да смотри, чтоб не так, как **намедни**, отвечать за тебя ...*» «*Как он был дома, его ругал, – огрызнулся теперь Аким на отца, – а нет его, меня **глодаешь***». [35, 38]; Она [Аксинья] была вновь **брюхата** от приказчика... [35, 40].

Кроме этого, встречаются лексические и фонетические диалектизмы: «*Это что ж?*» – спросил доктор, указывая на перекрецивающиеся белые рубцы на спине и задку. «*Это **старок**, ваше высокоблагородие*», – кряхтя проговорил Авдеев. [35, 35]; «*Вот у меня так **портки** не держатся*», – проговорил старик, пропуская свой удар... [35, 37]; Авдеев: «*...Завиствовал брату. ... А теперь, значит, сам рад. **Не замай** живет...*» [35, 36]; «*... **Первый камандер** у Шмеля был ...*» [35, 29]; «***Чаго?***» – нахмурившись и пропуская удар, грозно спросил старик [35, 37].

Ярким средством создания образа крестьянина являются также устойчивые выражения, часто употребляемые в разговорной речи и

отражающие мировоззрение этой социальной группы: «*Чего ищешь-то?*» – спросил один из солдат... «*Трубку, **чорт ее знает** куда запропала!*» [35, 12–13]; «*А что это? <...> Пырну разок – и **пар вон***». [35, 15]; «*И **чорт их носит по ночам!***» [35, 16]; «*...А какие эти ... гололобые ребята хорошие, – продолжал Авдеев. – **Ей-богу!***» [35, 16]; «*Сколько **душ загубил, проклятый, теперь, поди, как его убаглотворять будут***», – сказал один. [35, 29]; «*Я говорю, **домой приказать не хочешь ли чего?***» – опять спросил Панов... [35, 36]; Авдеев: «*Так вот отпиши: «сын, мол, ваш **Петруха долго жить приказал***. Завиствовал брату. ... *А теперь, значит, сам рад ... **Дай бог ему, я рад***» [35, 36]. Иногда фразеологизмы получают диалектное звучание: «*Не **примает душа**, – сказал он [Авдеев]. – **Пей сам***». [35, 27]; «*Про **старые дрожжи поминать двожды***», – сказала сноха... [35, 38].

Еще одной отличительной чертой языкового портрета представителя крестьянской культуры являются специфические обращения и апеллятивы: «*Вишь, **проклятые**, как заливаются*», – сказал Авдеев. «*А что, **Антонич**, ... бывает тебе когда скучно?*» [35, 14]; «*А я, **братцы**, какой сон видел..*». [35, 15]; «*...А какие эти, **братец ты мой**, гололобые ребята хорошие*», – продолжал Авдеев... [35, 16]; «*Сколько **душ загубил, проклятый, ...***» [35, 29]; «*Ты, **Петра**, чего **домой приказать не хочешь ли?***» – сказал Панов. [35, 36]; «*Ну, будет, **батюшка***», – сказала сноха... [35, 38].

Иногда и фразеологизмы, и обращения носят явно фольклорный характер: «*А еще, **милое мое дитяtko, голубок ты мой Петрушенька**, выплакала я свои глазушки, о тебе сокрушаючись. **Солнушко мое ненаглядное**, на кого ты меня оставил...*» [35, 39]. При этом многие из них являются атрибутами определенных народных обрядов и традиций. Как, например, при описании реакции матери и жены на смерть Петра Авдеева: «*Старуха, получив это известие, **повыла**, покуда было время, а потом взялась за работу. В первое же воскресенье она пошла в церковь и раздала кусочки просвирок «**добрым людям для поминания раба божия Петра***». [35, 39]; «*Солдатка Аксинья тоже **повыла**, узнав о смерти «**любимого мужа, с которым**» она «**пожила только один годочек**». Она жалела и мужа и всю свою погубленную жизнь. И в своем вытье поминала «**и русые кудри Петра Михайловича, и его любовь, и свое горькое житье с сиротой Ванькой**», и горько упрекала «**Петрушу за то, что он пожалел брата, а не пожалел ее горькую, по чужим людям скитальщицу**» [35, 39–40]. Сами слова *повыть*, *выть* являются названием одной из частей похоронного обряда и обозначают ‘скорбные причитания и плачь по покойнику’. Обязательное поминовение усопших в церкви с последующим раздаванием просвирок, сопровождающимся соответствующими словами, отражает религиозное мировоззрение крестьянства XIX в. Слова, данные в кавычках при описании вытья жены Авдеева, также являются примерами традиционных устойчивых оборотов, встречающихся в обрядовом фольклоре.*

Обращает на себя внимание также подробное описание крестьянского быта: «Ну, будет, батюшка», – сказала сноха, откидывая разбитые **свясла**. [35, 38]; ...и овсяные снопы были разостланы в два ряда, **волоть с волотью**, длинной веревкой по чистому **току**. Разобрали **цепы** и стали **молотить**, равномерно ладя тремя ударами. **Старик крепко бил тяжелым цепом, разбивая солому, девка ровным ударом била сверху, сноха отворачивала** [35, 37].

Во фрагментах повести, где фигурируют крестьяне, их язык, быт, мировоззрение, традиции и обряды образуют специфическую культурную среду, чуждую дворянскому сословию того времени (ср., например, общение супругов Воронцовых в III и VI главах на французском языке). Следовательно, для ее реалистичного описания Л.Н. Толстому было необходимо тщательно ее изучить, а затем обработать полученные знания в соответствии с художественным замыслом. Соответственно, в процессе работы над созданием образов крестьян писатель прошел те же стадии аккультурации, что и при описании польской или горской культуры.

Итак, тексты поздних рассказов и повестей Л.Н. Толстого достаточно достоверно передают культурные особенности различных народов, свойственные им в XIX в. Основным изобразительным средством при этом выступают слова разных лексико-семантических групп, охватывающие основные элементы культуры (язык, быт, традиции и обряды). Взаимодействие героев разных национальностей в рассмотренных художественных произведениях отражает естественные закономерности межкультурной коммуникации, в частности, такие стратегии аккультурации, как интеграция и ассимиляция. Сам Л.Н. Толстой в процессе работы над текстами глубоко проникался культурой описываемого народа или сословия, оперировал их представлениями о нормах и ценностях, результатом такого погружения в другую культуру являлась косвенная аккультурация писателя, которая могла носить временный характер.

Библиографический список

Куликова Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур. Красноярск: РИО КГПУ, 2004. 196 с.

Петрова С.М. Роль инновационной технологии анализа художественного произведения в системе изучения русского языка как иностранного (на материале Республики Саха (Якутия)) // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 8 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-innovatsionnoy-tehnologii-analiza-hudozhestvennogo-proizvedeniya-v-sisteme-izucheniya-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo-na> (дата обращения: 12.03.2018).

Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2009. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/97> (дата обращения: 24.03.2018).